

A. P. ...

...

...

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 10 //Издательство «Правда»,
Москва, 1977
FB2: "Ustas ", 2006-09-30, version 1.0
UUID: F3FC90C5-4BE1-4DFD-BCCF-3D26FCC7E352
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Мунька

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0012
III.....	.0017
IV.....	.0021
V.....	.0029
VI.....	.0037
VII.....	.0043

**Константин Михайлович
Станюкович
Мунька**

Мунька, — так названный в счастливом детстве одним гимназистом, — молодой дворняга, далеко неказистой наружности, проживал несколько лет тому назад в деревянном подвале большого дома за № 12, по Пятой Рождественской улице на Песках.

В последнее время Мунька был вынужден сам заботиться о себе и — главное — добывать пропитание.

Нельзя сказать, чтобы его репутация была безукоризненна.

Особенно повредил ей хозяин мясной лавки в соседнем доме.

Он рассказывал поварам и кухаркам о том, какой дерзкий вор этот “подлец” рыжий пес. Бывало, влетал в лавку, когда было много покупателей, схватывал кусок мяса — не разбирая, “мерзавец”, какого сорта говядина — и удирал... Поймай-ка разбойника! И только после многих случаев грабежа его наконец так “огрели” поленом, что рыжий Мунька едва унес ноги. Зато с тех пор обегает лавку.

— Зайди только, подлец. Так “огреем”, что

уж больше не встанешь! Не воруй! — с благородным негодованием прибавлял толстый, краснорожий мясник с маленькими плутоватыми глазами, охотно помогавший кухаркам обсчитывать хозяев.

Рассказывали кое-что о стянутой Мунькой колбасе и в мелочной лавке.

Но зато в доме, где проживал Мунька, он ни в чем предосудительном замечен не был.

Жильцы на него не жаловались Повара и некоторые кухарки даже не без тайного сочувствия к смелости Муньки слушали и мясника и хозяина мелочной лавки о воровских проделках собаки. Но никто из них не приманивал Муньки к кухне, нисколько не облегчая тяжелого его положения. Старший дворник Михайла Иванович, из отставных унтер-офицеров, строго следивший, чтобы в доме не было беспорядка, и не без самомнения уверявший, что видит “наскрозь” не только жильца, но и “животную”, смотрел сквозь пальцы на не совсем законное пребывание в доме собаки, никому не принадлежавшей. Однако не особенно дружелюбно посматривал на “беспаспортного”, как называл Муньку, и,

случалось, “ошарашивал” его пинком, будто бы “для порядка”, но, как кажется, главным образом за то, что Мунька, при редких, впрочем, встречах со старшим дворником, — не обнаруживал надлежащего почтения и, по-видимому, не получил в детстве хорошего собачьего воспитания. Он не повиливал покорно опущенным хвостом, а, напротив, довольно задорно помахивал им, высоко закрученным в виде кренделька; ласково не оскаливал своей рыжей с белыми пятнами морды и не придавал своим умным и зорким глазам выражения уважения и мечтательности. Все, чем Мунька выражал невольное уважение, заключалось в том, что с независимым видом ни в чем не провинившегося пса отходил подалее от этого высокого, плотного и бородастого брюнета.

Мунька имел основание не питать к нему симпатии и не очень-то доверять не только его соседству, но даже и присутствию на дворе. Вот почему Мунька предусмотрительно старался не попадаться на глаза старшему дворнику, особенно в праздничные дни, когда Муньке казалось, что большие, круглые и

слегка выкаченные глаза Михаила Ивановича становились неподвижнее, круглее и страшнее, толстое его лицо походило на алый кирпич, и голос напоминал рев паровой конки, однажды очень испугавшей Муньку во время одной из его дальних прогулок.

В будни Мунька, как оглашенный, бегал и прыгал по двору, заигрывал с двумя приятелями, дворовыми мальчиками, заговаривал с сеттером Джеком и черным пуделем Умным и почтительно посматривал в отдалении на громадного датского дога Милорда, всегда молчаливого, строгого и серьезного, не смея с ним заговорить. На Джипси, показывавшуюся весной на дворе левретку, покрытую щегольской красной попонкой, всегда вздрагивавшую и жавшуюся к горничной, Мунька нарочно не обращал внимания, словно Джипси нет здесь. Но умышленно пробегал около, насмешливо скаля зубы и пугая маленькую, стройную собачку с большими и глупыми глазами... Она раз навсегда пролаяла, что с таким грязным дворняжкой знакомиться неприлично, и, когда Мунька все-таки раз подбежал к ней и назвал ее дурой, Джипси

вспрыгнула на руки к сопровождавшей ее горничной и не переставала капризно визжать и лаять, жалуясь на Муньку, до тех пор, пока горничная не увела Джипси домой, назвавши прежде Муньку грубым мужиком, кроме того швырнула в него камнем и погрозила старшим дворником.

Мунька только облаял горничную и полетел к мальчикам, уверенный, что старшего дворника в эти утренние часы нет дома. Потому-то Мунька и был на дворе и вел себя без особых стеснений жизнерадостной молодой собаки, уже закусившей. Появлялся в отважном настроении Мунька на двор и в то время, когда Михайла Иванович обедал и после обеда спал. В другое же время дня Муньку не видали на дворе или видели мельком и довольно осторожным в проявлении своих чувств.

По очень ранним утрам, когда все в доме крепко спали и дежурный дворник особенно сладко храпел у ворот, Мунька предпринимал свои тайные экскурсии по черным лестницам, где, случалось, попадались ящики с провизией не запертыми, как следует, на замки. Вкусные кусочки бывали не часты. Если

Муньке приходилось ими попользоваться, то, разумеется, пропавшие остатки жаркого и другого съестного ставились на счет кошек и крыс, так как Муньку никто не видел на черных лестницах, а кошек и крыс видели и нередко.

После обхода черных лестниц без всякого успеха Мунька добросовестно пускался на поиски чего-нибудь подходящего на голодный желудок в мусорную яму и на дворе. И если поиски ничего существенного не приносили, Мунька решительно выбегал из ворот и направлялся на рынок или в более дальние улицы с мясными лавками, чтобы не связываться с соседом-мясником, одно воспоминание о котором напоминало Муньке о переломленной задней лапе и возбуждало приятные мечты прокусить своими острыми и крепкими зубами ляжку “злодея” и дать тягу.

Но Мунька, по темпераменту сангвиник, был отходчивый и, кроме того, после первой вспышки умел, не по летам, обсуждать дела рассудительно.

Он, по-видимому, понимал, что, пока живет в близком соседстве со злым мясником, —

проучить его небезопасно. Можно быть пой-
манным и избитым насмерть. А Муньке,
несмотря на некоторые серьезные неприят-
ности в жизни, жить хотелось.

Большую часть Мунька возвращался из дальних путешествий в веселом и бодром настроении.

Он появлялся на дворе и первым делом подбегал к Джеку, с которым находился в приятельских отношениях, и не без горделивости самостоятельного молодого дворняги возбужденно сообщал о том, как вкусна грудинка с мягкими ребрышками и хороша печенка, и как много всего соблазнительного в мясных лавках.

— Неглупая собака всегда что-нибудь наскоро выберет не очень крупное, — прибавлял Мунька. — И потом приятно погулять.

— А... приказчики? — спрашивал Джек, у которого уже текли слюни при рассказе приятеля о мясе.

Он дома его не получал и, как охотничья собака, находился на особенной пище.

— Все больше кланяются кухаркам и режут мясо... И торопятся... И, понимаешь, Джек, не очень-то умный народ... Собака будто с кухаркой... Нужно только не зевать...

Джек втайне уже давно завидовал Муньке. Уходит, куда хочет. Лакомится мясом. Хозяйна не знает. А у Джека хозяин был строгий и взыскательный, особенно на охоте.

Джек по временам почти решал убежать от хозяина куда-нибудь за город и самому охотиться за птицей. Но страх неизвестности, опасности, неопределенность положения: ни удобства, ни постоянного теплого помещения, особенно зимой...

И Джек находил, что хотя на свободе и хорошо, но с ней, того и гляди, пропадешь. При хозяйне все-таки лучше.

— А прозевай, так что?.. Небось, помнишь полено мясника!? А разве каждый день ешь печенку?.. А каково зимой в дровяном подвале? — не без злорадства спрашивал Джек. — А я по крайней мере завсегда получаю по положению... И в тепле. И не боюсь каждого человека, как ты... Знай только хозяина, — прибавил сеттер.

— А арапник?

— Так что?

— Небось... вкусно?

— Веди себя хорошо. И нет арапника!

— А овсянка... Мяса не дают. И без спроса — никуда...

— А мне и мяса дает кухарка... И хозяйева любят... И сахаром угощают... И моют... И подстилка есть для спанья... Вот это так жизнь! — проговорил черный пудель Умный.

Старый дог Милорд вытянулся на припеке и прислушивался. Наконец он высокомерно повел мордой и проворчал:

— И что это за дурак... Тоже рассуждает... Родился дворнягой, ну и молчи, пока его не бросили в Неву или не расшибли поленом башки...

— Позвольте узнать, за что? — спросил Мунька.

— С тобой, воришкой, не разговаривают! — строго заметил Милорд.

— Я хоть и не такой важный...

— Надоел! Молчи...

Дог поднял уши и заворчал, и все три собаки поднялись и отбежали подальше.

— Тоже воображает! — проворчал Мунька.

И тихо прибавил, обращаясь к Джеку:

— И силища! Волка загрызет... А сам боится хозяина и не смеет выйти на улицу. Не по-

нимаю этого дурака, — протянул Мунька.

— А я не понимаю, как ты, Мунька, боишься старшего дворника! — не без насмешки промолвил Джек. — Вот он идет...

— Я не боюсь... Не хочу только связываться с ним. Ну его!

С этими словами “Мунька” ушел за сарай и насторожился.

Старший дворник скрылся, и Мунька снова был весел и жизнерадостен.

Но случилось, что Мунька возвращался из города уставший, раздраженный, голодный и иногда с раскровавленной мордой или со всклоченной шерстью. Тогда он не показывался на двор, а забивался в дровяной подвал, стараясь скорее заснуть, чтобы не думать хоть об обглоданной кости и не бесплодно сердиться за то, что его на улице вздули, и выходил на поиски ночью я под утро, рискуя с голода на самые смелые предприятия...

Зима прошла. Ночи в дровяном подвале не были холодны, как прежде... На дворе теплынь. Есть где побегать и не оставаться одиноким. Мунька глядел вперед без боязни, как вдруг в это чудное весеннее утро он совер-

шенно неожиданно “влопался”.

Он был изобличен на черной лестнице в воровстве, да еще со взломом, как правдиво, в числе других неправд, показывала кухарка Аксинья.

На шкафчике не было замка. Кольца были связаны бечевкой. Было очень рано. Вокруг мертвая тишина.

Мунька потянул носом и почуял прелестный запах, вызвавший слюни и радостное нетерпение голодного дворняги, прошедшего вчерашний день в грустном настроении.

Однако Мунька насторожил лохматые уши... Ни звука.

И он стал торопливо грызть бечевку. Она была тонка, словно бы нарочно для соблазна даже и беззубой крысы. Острые зубы Муньки перегрызли бечевку в одну секунду, и в следующую они открыли дверку, и морда была в шкафчике. Он засунул морду в горшок с застывшим жиром наверху и вылакал суп досуха. Потом проглотил несколько кусков вареного мяса и схватил в зубы курицу, чтобы съесть ее дома, на свободе, с большим удовольствием полакомившись косточками.

Как вдруг щелкнул замок, и в дверях — заспанная кухарка Аксинья.

На круглом лице ее — ужас. И отчаянным

голосом, точно ее собирался зарезать разбойник, закричала:

— Подлец!.. Разбойник!.. Мунька вор!..
Брось курицу!

Но Мунька только крепче затиснул в зубах курицу и побежал вниз, насмешливо оглядываясь на кухарку, которая, шлепая туфлями, гналась за воров, осыпая его бранью.

На дворе Мунька исчез.

Он был уже в дровяном сарае, но не в том уголке, где была постоянная его квартира, а в противоположном.

“Ищи-ка!” — промелькнула у него мысль.

Возбужденный и победоносный, с загоревшимися глазами, ел Мунька курицу и, весь, казалось, поглощенный прелестью неожиданной находки, в эту минуту и не подумал о важности своего преступления и об испуганном виде кухарки. И только когда от курицы не осталось крошки, Мунька, облизываясь, вспомнил, что “влопался”, и услышал, что кухарка еще вопит на дворе и ругательски его ругает дежурному дворнику, смех которого приятно щекотал тонкий слух Муньки.

Кухарок Мунька недолюбливал. “Из всего поднимают свары, готовы выцарапать глаза собаке, наговорить на нее. Мало ли врали они про его историю с мясником я в мелочной лавке! Настоящие кошки. То-то кошек любят и угощают, а нет, чтобы когда-нибудь угостить голодную собаку... Наверно эта ругательница поднимет историю на весь двор из-за какой-нибудь маленькой курицы!”

— Ишь ведь, бесхвостая кошка, клянется, что я и сливки выпил, — проворчал Мунька, прислушиваясь.

Снова смех дворника и крик кухарки:

— Как встанет Михайла Иваныч, я ему расскажу, какой это подлец!

И все стихло.

Мунька решил, что лучше не показываться на двор, пока суматоха не пройдет и глупая кухарка не перестанет наконец вопить, словно ее хватили поленом. Разумеется, Мунька не надеялся на полное забвение — не таковые люди! — и не сомневался, что его прибьют, но во всяком случае не поленом и не так жестоко, как бьют злые мясники. Обнадеженный Мунька уже примирился с будущим

наказанием и, чтобы покончить это дело, забился поглубже в дрова, свернулся в клубок, собираясь основательно заснуть на сытый желудок.

Перед тем как заснуть, Мунька, уже задремавший, проворчал, словно бы в свое оправдание:

— А ты ящик не заперла... Я нашел... и мое!
И заснул.

Разумеется, Муньке во сне и не снилось, что ему готовится нечто весьма серьезное.

IV

Подняла эту историю, как и предвидел Мунька, кухарка Аксинья.

Быть может, — хотя и сомнительно, — что эта не злая и только необыкновенно болтливая пожилая женщина не орала бы так и на дворе, и на лестнице — соседним кухаркам, и в прачечной — незнакомым прачкам, и не ходила бы в сопровождении двух приятельниц-кухарок жаловаться старшему дворнику на Муньку и потом не наговорила бы так бессовестно на него своим господам, если бы могла предвидеть, чем все это для него кончится.

Михайла Иванович только что допивал в своей низкой, оклеенной веселыми обоями комнате в дворницкой пятый стакан чая. Он был еще в жилете поверх ситцевой сорочки, при часах на цепочке, и находился в благодушном настроении человека, довольного и собой, и уютом, и благополучием, не отравленным какими-нибудь неприятностями по дому, когда отворились двери и в комнату вошли: впереди — кухарка Аксинья и сзади —

две ее приятельницы.

Старший дворник тотчас же принял серьезный и недовольный, несколько официальный вид, так как по взволнованному и несколько вызывающему лицу Аксиньи догадался, что она пришла с жалобой или претензией. А этого старший дворник не любил.

— К вам, Михайла Иваныч! — почтительно кланяясь, проговорила Аксинья.

Поклонились и другие две.

— Насчет чего?

— Да насчет этого подлеца Муньки, Михайла Иваныч...

И Аксинья застрекотала. Хотя старший дворник и заметил, и довольно внушительно, что надо держать провизию на замке, чтобы не выходило неприятностей, тем не менее был возмущен Мунькой, тем более, что Аксинья и ее приятельницы обвиняли его и во всех прежних пропажах по съестной части, о которых прежде не говорили Михайле Ивановичу.

— Думала на крыс. А это обязательно Мунька! — решительно протрещала Аксинья и припомнила все воровские его проделки на

стороне.

Две кухарки воскликнули:

— Ведь каким прикидывался на дворе!

— По ночам воровать, а теперь скрывается, шельма!

Старший дворник снова повторил насчет верности замка.

— А касательно этого подлеца-вора, так ему будет форменная выучка. После нее не покажется в наш дом! — проговорил Михайла Иванович, вполне уверенный в серьезности выучки. — Вот, как вернусь из участка, я разыщу беспаспортного шельму... От меня, небось, не скроешься! Ну ступайте, мадамы, по своим делам... А мне некогда... Допью чай — и в участок... Уж такая наша трудная “должность”! — прибавил старший дворник.

Господа Артемьевы, у которых жила Акси-нья, только что вышли в столовую пить кофе.

Молодая женщина в красном капоте со взбитыми черными волосами попробовала кофе и сделала гримаску. Поморщился и пожилой господин в форменном сюртуке.

— Что за сливки? Мерзость! — раздражительно проговорил Артемьев.

— Не понимаю... Не те сливки... Куда они делись?! Ах, что за прислуга! — промолвила со вздохом Артемьева и велела горничной позвать Аксинью.

Но Аксинья уже влетела в столовую. Захлебываясь от торопливости, взволнованная, с торжествующим видом подозреваемой жертвы, она затрещала, как сорока, не без драматизма в крикливом голосе.

— Вы, барыня, напрасно на меня обижаетесь за сливки. Там у нас несчастье. Подлая собака все слопала из ящика... И суп, и сливки, и мясо... Курицу унесла на глазах... Я докладывала: замок бы... Вот и вышло... На заре, видно, сам господь меня разбудил, чтобы правда объявилась, кто вор... Встала я, вышла на лестницу, чтобы посмотреть, не скисли ли сливки, как можете себе представить, милая барыня, этот самый Мунька... рыжий пес... Уж какая была крепкая бечевка... перегрыз... Я, дура, бывало, все на крыс... А вы не доверяли, барыня, когда что пропадало... Как, мол, крысы и сливки... А собака, оказывается, все таскала... Просто отчаянная собака... Если не слопает, то все перепортит... Ничего не боит-

ся...

Машка, на вид необыкновенно ласковая, угодливая и пригожая белая кошечка, таскавшаяся по тем кухням, в которых можно встретить хороший прием и лучшее кушанье, явилась с кухаркой и внимательно ее слушала, вытирая лапкой свою мордочку. Машка знала, что Мунька хотя и отчаянный забияка, который не боится даже взъерошенной кошки с выпущенными когтями, и не дурак ловко украсть, но видела, как Аксинья сегодня утром внесла кувшинчик со сливками и наливала их в две большие чашки кофе, которые выпила с большим удовольствием и не дала ни капельки Машке, несмотря на убедительное ее мурлыканье и напоминание о себе деликатным потрогиванием лапкой. Но Машка, словно бы довольная, что Аксинья бессовестно врет, не хуже кошки, одобрительно мурлыкнула. Затем стала нетерпеливо тереться у ног Аксиньи, точно напоминая, что кухарка долго рассказывает, вместо того чтобы идти в мясную и купить кошачьего мяса, которым часто угощает, возвратясь домой.

Молодая хозяйка с капризной гримасой

слушала рассказ кухарки. Пожилой чиновник нетерпеливо пожимал плечами и теребил свою бородку.

— Да замолчите наконец, Аксинья! — проговорила Артемьева.

И тихо и деликатно “позудила” Аксинью, как называла последняя барынины замечания.

“Она ни за чем не смотрит, не напонила о замке — собака крадет, курицы и нет. И какие сливки купила!.. Кажется, могла бы не раздражать больную женщину”.

— Сегодня же купите замок, и чтобы впредь этого не было. И вообще... будьте внимательнее к своим обязанностям, Аксинья! — прибавила хозяйка, слегка возвышая свой тихий, “зудящий” голос.

Аксинья и возмутилась и обиделась.

“Она невнимательна? Она ни за чем не смотрит?”

— Из-за подлой собаки я же и виновата? О, господи! Да разрази меня бог!.. Я, кажется, стараюсь для вас... И вы, барыня, меня же обижаете...

Аксинья клялась и плакала, снова клялась

и, по-видимому, не собиралась окончить, если бы “сам барин, который не раз хвалил ее кушанье”, не охладил ее излияний ироническим вопросом:

— Видно, собака открыла крышку с кувшином?

— Что же, я сливки выпила? Нужны мне господские сливки!.. Этот подлец, Мунька, все жрет и на все способен. Вовсе отчаянный нахал... Чуть на меня не бросился, когда я стала отнимать курицу... И меня же господа позорят... О, господи!

— Пошлите-ка ко мне старшего дворника! — остановил кухарку чиновник.

И когда Аксинья, вытирая слезы, вышла, он прибавил:

— Нечего сказать, порядки в доме... Собака бросается на людей... И за чем только смотрит старший дворник?

— Уж и не говори, Ванечка... Того и гляди, эта собака еще взбесится и перекусает людей! Еще недавно читала в газетах... — испуганно промолвила молодая женщина.

— То-то и есть! — ответил Артемьев. — Надо узнать, чья собака и почему ее выпускают,

да еще по ночам... Надо исследовать и принять меры... Да ты не волнуйся, мой друг. Надо, чтобы дверь в кухню была заперта... Собака не войдет! — успокаивал Артемьев, видимо, разделявший опасения жены.

Он и сам очень побаивался собак.

Минут через пять в столовую вошел старший дворник.

Степенный, с приветливо-почтительным выражением пригожего лица, опущенного расчесанной бородой, он был в черном, наглухо застегнутом пиджаке, в манишке, белевшей из-под воротника, и в высоких щегольских сапогах.

Отвесив низкий поклон, Михайла Иванович сделал несколько шагов, остановился и мягким баритоном сказал:

— Изволили требовать, ваше превосходительство?

Хотя дворник и отлично знал, что Артемьев очень далек от генерала, но всегда оказывал почтение жильцу, аккуратно платившему за квартиру, не забывавшему давать по рублю в месяц и особенно такому, который из требовательных и беспокойных.

— Что у вас за безобразие в доме, Михайла?

— Осмелюсь доложить, что, кажется, слава богу, у нас нет “безобразиев”, ваше превосход-

дительство!

— Есть! — отчеканил внушительно Артемьев.

— В каких смыслах, ваше превосходительство?

— А собака?

— Так вышла из-за нее неприятность по случаю того, что шкапчик на лестнице без замка...

— А бросается на людей?

— Никак нет, ваше превосходительство!

— А на нашу кухарку? И мало ли на кого-нибудь может броситься? — вставила молодая женщина.

— Не извольте верить кухарке, барыня. Собака в этом не замечена... И не такого характера, чтобы осмелиться...

— Чья она? — спросил Артемьев.

Но Михайла, отвиливая от прямого ответа, повел речь о прежних хозяевах Муньки.

— Щенком жил в двенадцатом номере... Взял его гимназист и с ним занимался... Полтора года собака вела себя во всем правильном поведении, и гимназист очень был к ней привержен... Но как жильца перевели на

службу в провинцию, Муньку препоручили знакомой сродственнице в двадцать восьмом номере... Хорошая была барыня, но только вскорости померла от сердца... А у сыновей собака оставаться не пожелала... Всего месяц жила и убежала, ваше превосходительство!

— Отчего убежала? — спросила молодая женщина.

— По причине, с позволения сказать, озорства жильцов двадцать восьмого номера, когда они стали часто будто в “несвоевременном” виде, по случаю смерти маменьки... Кухарка обсказывала, что два жильца и их гости часто обескураживали собаку...

— Чем же?

— Всячески, барыня.

— Например?

— Подносили собаке нюхать, как пахнет дым цыгарки... Подпаливали спичками шерсть. Купали под краном, кормили дурным лекарством... Одно слово, с большим воображением ума шутили с собакой. А этого собака не любит... Отдубась ее по всей форме за дело, на это она не должна обидеться, а ежели одна “прокламация”, для “игры ума”, — обидится...

И неосновательные жильцы. За квартиру не платят, ваше превосходительство! — неожиданно прибавил старший дворник.

— Кто они такие?

— Служащие... Из господ. А насчет собаки будьте вполне спокойны, ваше превосходительство... Не извольте беспокоиться, барыня...

И, уверенный, что успокоил “уксусного”, как называл старший дворник строгого и требовательного жильца, Михайла Иванович поклонился и хотел было уйти, как Артемьев остановил его.

— Подожди, Михайла. Объясни, чья же теперь эта собака? — настойчиво и серьезно допрашивал основательный господин.

— Теперь ровно бы ничья. Вроде как бы беспаспортная, ваше превосходительство.

— А разве это порядок? Ты потатчик. Заведомо держал в доме бродячую собаку.

— Виноват. Точно ошибся, ваше превосходительство, — несколько сконфуженный, промолвил старший дворник.

“Уж будет подлецу Муньке. Из-за него только неприятность!” — подумал он и заис-

кивающе прибавил:

— Сегодня же выдворю собаку, ваше превосходительство!

— Выдворишь? А если она вернется и мало ли что натворит? Да еще вдруг сбесится и, храни бог, кого-нибудь искушает. Ты и ответишь по всей строгости законов. Да еще возьмут с тебя штраф, — не спеша и серьезно-бесстрастно говорил Артемьев, желавший, казалось, окончательно донять старшего дворника.

— Я, ваше превосходительство, так “проутюжу” собаку, что она забудет и адрес нашего дома!

В следующее мгновенье Михайла Иванович уже мысленно назвал себя дураком за то, что проговорился насчет “проутюжения”.

— Да как же можно мучить собаку? — воскликнула молодая женщина. — Это нехорошо с вашей стороны, Михайла! Очень нехорошо. И вы не смее! — прибавила она и, чтобы не слушать дальше, вышла из столовой.

А муж протянул:

— Не надо быть членом высочайше утвержденного общества покровительства живот-

ным, чтобы позвать околоточного, составить протокол, к мировому, и тебе... высидка!

Старший был решительно подавлен и смущен.

— Так как же с собакой, если, примерно, по закону? — растерянно промолвил он.

— Очень просто. Отдай ее фурманщикам — и снимешь с себя всякую ответственность.

Михайла Иванович просветлел.

— А то еще, не дай бог, судиться из-за какой-нибудь собаки! Премного благодарен, что изволили надоумить необразованного человека. Счастливо оставаться, ваше превосходительство!

Перед тем, что идти в участок, Михайла Иванович сказал подручному Василию:

— К вечеру поймай ты Муньку. Он тебя не боится. Привяжи его в дровяном сарае на крепкую веревку, чтобы не сбежал...

— Как же вы хотите, Михайла Иваныч, распорядиться с Мунькой?

— Рано утром сдадим фурманщикам.

— На убой, значит, Муньку? — угрюмо спросил подручный.

— А что делать с этим вором? Из-за него

только одни неприятности от жильцов. Да смотри, Василий, помалкивай насчет моей “лезорюции”... А то прослышит какая-нибудь пустая жилища с чувствительностью и... неприятность... Собаку не примут, а мне еще влетит... Запищит: “Как дворник смел”... И нажалуется... Так чтобы шито да крыто. Так-то умственнее. Пропала, мол, собака, и шабаш!

— Как прикажете... Но только “освобоните” меня, Михайла Иваныч!

— Это еще что за дерзкая мода? Я, братец, этого не люблю! — строго сказал Михайла Иванович и изумленно взглянул на обыкновенно тихого и скромного Василия.

— “Освобоните”, Михайла Иваныч! — упорно повторил Василий.

— Почему это ты смеешь дерзничать, а? Сказывай.

— Жалко, Михайла Иваныч...

— Кого жалко?

— Самую животную... Муньку.

— Этого вора жалко?.. Очумел ты, что ли? Разве можно жалеть такую бесстыжую собаку... Другая, которая виноватая, сию же минуточку явилась бы с повинной... А этот подлец

хоть бы что... Спрятался и думает... отбо-
ряться, бродяга. А за него только отвечай!

Василий молчал.

— Совсем, как посмотрю, ты необразован-
ный “обормот”. Ну, и черт с тобой. Я сам пой-
маю Муньку... А ты, Василий, у меня смот-
ри! — вдруг озлобленно крикнул Михайла
Иванович.

И, вытаращив на подручного свои загорев-
шиеся круглые глаза, прибавил:

— Рассчитать тебя, дурака, недолго.

— Как угодно! — покорно промолвил Васи-
лий.

— Скажи, пожалуйста, какой собачий за-
ступник!.. Что стоишь, дьявол!.. Жильцы дров
ждут, а ты... Экий разбалованный народ!

С этими словами старший дворник вышел
за ворота и, возбужденно-сердитый, напра-
вился с портфелем под рукой в участок.

VI

Мунька не чуял, что он уже приговорен к такому ужасному наказанию, какое только могли выдумать люди и до которого, конечно, никогда не додумываются собаки. Обвиняемый даже не был спрошен — насколько было возможно понять собачий язык, иногда и понятный его выразительностью — и не приведен на очную ставку с обвинительницей, что было бы возможно, если бы следствие производил подручный Василий, умеющий влиять на Муньку. Таким образом обвинение основывалось только на показаниях Аксиньи, как известно, далеко не вполне правдивых. Но что уже совсем плохо рекомендовало и юридические познания и чувство справедливости двух самовольных судей — жильца и старшего дворника, так это то, что первый — из малодушного страха перед собаками, а второй — страха ради иудейска, не подумали и допросить свидетелей, действительно достоверных. Такими были: подручный Василий, иногда дававший Муньке краюху хлеба и ласково потрепывавший

собаку и говоривший ей, по-видимому, добрые сочувственные слова, и несколько дворовых мальчишек и девочек, которые часто играли на дворе с Мунькой и очень любили его. Они часто дарили ему кусочки хлеба, проглатывавшиеся Мунькой с невероятной быстротой и жадностью и на лету и с земли, и Мунька не раз благодарно и порывисто лизал детские лица. Наконец могла быть вызвана в свидетельницы и одна почтенная дама, член общества покровительства животным, жилица того же дома, которая встречалась с Мунькой на улице. Она всегда была с ним любезна и давала ему один копеечный розанчик, когда возвращалась из булочной, хотя первая встреча с Мунькой и не располагала к дальнейшему знакомству, так как Мунька однажды выхватил из рук почтенной дамы целый мешок с булками и был таков. Но старая дама была доброй и умной женщиной, понявшей дерзкий поступок дворняги, великодушно простила его и только носила пакеты со съестным с большей осмотрительностью.

Но участь Муньки решена, и старший дворник велел держать свое решение в тай-

не.

В это утро добрая старушка удивилась, что Мунька не встретил ее у булочной за обычной подачкой и для обмена приветствий. Еще более удивились и огорчились два бледные мальчика и одна крошечная девочка, — дети подвальных жильцов, — что на дворе нет их приятеля Муньки, обыкновенно бывавшего в эти часы.

Был одиннадцатый час. Солнце подогрело. Детям после душных и затхлых подвалов весеннее утро казалось прелестным. Но оно было бы еще милее, если бы был с ними Мунька.

И дети подбегали к окну дровяного подвала и кричали:

— Мунька, где ты?

— Приходи, Мунька!

— Иди играть с нами, Мунечка!

— Булочки дам... Миленький! — особенно ласково вытягивала тоненькие нотки маленькая девочка.

Но Мунька, хоть и слышал и вздрагивал от этих ласковых нетерпеливых призывов, знал прелесть теплого утра и ему хотелось бы к

солнцу, к мальчишкам, к веселью и радости, но он не откликался и только чуть слышно визжал, словно бы изливая досаду, обиду и грусть...

Там, на дворе, так светло, а в подвале, за дровами, так темно, сыро, неприветно, и старший дворник верно уже все знает...

И Мунька примолк...

— Да отчего не идет Мунька? — спрашивала девочка мать.

— Боится наказания. Ночью обокрал чиновников.

Все мальчишки узнали, что Мунька обокрал жильцов, и, испуганные за Муньку, спрашивали, что ему будет.

Никто достоверно не знал, пока не вернулась из лавки Аксинья и не сообщила на дворе одной прачке, что Муньку отдают фурманщикам.

И при этом прибавила:

— А все-таки жалко собаки...

Джек узнал на своей кухне, что Мунька попался в скверную историю, хотя и съел целую курицу. Джек собирался в качестве приятеля под видом участия сказать Муньке несколько

неприятных слов именно в то время, когда нужны участие и помощь. Он навестит приятеля в дровяном подвале, чтобы сочувственно удивиться, как мог такой, казалось бы, умный и ловкий пес так глупо “влопаться”. Точно не догадался почуять кухарку еще за дверями и улепетнуть вовремя, и снова сказать, как не прав Мунька, соблазняя Джека убежать от хозяина. Теперь он может убедиться, какой дорогою ценой добывается мясная пища. Но когда Джек был отпущен на двор и там услышал, что предстоит приятелю, он — надо отдать ему справедливость — больше уж не думал корить друга в беде. Он пожалел его и первым делом подбежал к окну дровяного подвала, потянул носом и... побоялся немедленно навестить Муньку и предупредить его.

“Еще узнает хозяин — и арапником!” — подумал Джек и решил зайти к Муньке вечером, когда можно незаметно прошмыгнуть в подвал.

Пудель тоже подбегал к подвалу. Но старший дворник уже запирает окна в подвале. Умный недовольно опустил хвост. Однако внимательно следил своими умными глаза-

ми за руками дворника и, когда тот окончил, подошел к Джеку.

— Теперь бедному Муньке уж не удрать! Завтра конец! — проговорил Джек и грустно завизжал, словно бы чувствуя укоры совести.

“Мог бы предупредить Муньку, и был бы он теперь далеко!”

Но Умный молчал и, озабоченный, казалось, о чем-то раздумывал, мерно помахивая своим хвостом с красивым пучком на конце.

— Бедный Мунька! — снова визгнул Джек.

— Не скуль! — серьезно воркнул Умный.

И через минуту лаконически пролаял:

— Удерет!..

— Это как же?

Но пудель не хотел пускаться в объяснения и побежал домой.

VII

Смеркалось, когда Умный поскреб у дверей кухни и был выпущен кухаркой.

Он стремглав спустился с лестницы и, выбежав на двор, огляделся вокруг и побежал прямо к последнему окну дровяного подвала, которое, как заметил пудель, не имело задвижки, и потому дворник только прикрыл его.

Умный лапой распахнул окно, вскочил и, пробираясь по дровам, тихо окликнул Муньку.

Мунька откликнулся осторожным лаем в другом конце подвала и бросился навстречу.

Скоро обе собаки встретились, обнюхали друг друга и поздоровались.

— Удирай, Мунька... Удирай сию минуту... И не возвращайся сюда!

— За что? Разве из-за какой-нибудь курицы хотят избить поленом... Так им и дался! — уверенно лаял Мунька.

— Если бы поленом... Привяжут на веревку и завтра отдадут фурманщикам. Все окна за-

крыты... Одно только без задвижки... И я прибежал...

— Фурманщикам!?. — в ужасе мог только взвизгнуть Мунька.

И, благодарно лизнув спасителя, бросился по дровам, и скоро обе собаки благополучно выскочили на двор.

Мунька бросился к воротам. Умный его провожал.

Калитка ворот была заперта. Но, по счастью, у ворот сидел Василий.

— Ай да молодца, Мунька... Оставил в дураках старшего? — весело проговорил подручный и гладил собаку. — Небось... Отопру... Улепетывай подальше... А то что старший наш выдумал...

Мунька кидался к Василию и, взвизгивая от радостного нетерпения, лизал его лицо, словно бы благодарил и торопил.

— Прощай, Мунька! Прощай, беспризорный! — сказал Василий, отворяя калитку.

И голос подручного прозвучал необыкновенной нежностью.

— Прощай, прощай! Берегись фурманщиков! — ласково лаял пудель.

Мунька еще раз благодарно взглянул на Василия и Умного и, задравши хвост, помчался по улице, сам не зная куда.

Впервые — в газете “Русские ведомости”, 1902, №№ 143, 147.